

УДК 811.161.1'373.23

**ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ
АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ ПРЕДНАЦИОНАЛЬНОГО
ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВЕРСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI–XVIII ВЕКОВ)**

И. М. Ганжина

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Статья посвящена анализу состава и структуры антропонимов, зафиксированных в памятниках тверской деловой письменности преднационального периода у представителей двух социальных слоёв – помещиков и крестьян. Отмечаются основные тенденции в способах номинации и качественном составе компонентов именовании.

Ключевые слова: *христианское личное имя, квалитатив, некалендарное имя, патроним, отчество, фамильное прозвание, номинация, способ именовании.*

Исследуемый период важен прежде всего тем, что он предвещает время начального формирования национального языка и становления современной антропонимической системы; этот период, на наш взгляд, является переломным в цепи антропонимических трансформаций и видоизменений, приведших к складыванию современных норм и традиций именовании в его функциональных разновидностях.

Научная литература, как правило, избегает понятия «норма» по отношению к этому периоду, имеются лишь отдельные замечания об отсутствии единой юридически закреплённой нормы [3]. На наш взгляд, в данном случае следует говорить об отсутствии именно кодифицированной нормы, что приводило к чрезвычайно широкому варьированию на всех уровнях антропонимической системы. Однако не вызывает сомнений тот факт, что социально и стилистически, ситуативно обусловленная антропонимическая норма всегда присутствовала в сознании носителей.

Рассмотрим основные, типичные для данной эпохи тенденции в употреблении антропонимов на материале именовании двух основных социальных категорий того периода: помещиков (дворян) и крестьян.

В XVI в. даже при именовании лиц, принадлежавших к социальной верхушке, наблюдается широкая вариативность на всех уровнях: и в структуре именовании, и в формах имён и отчеств, и в различной структурно-морфологической оформленности компонентов.

Так, чрезвычайно разнообразна в этот период сама структура именовании помещиков. В документах встречаются способы именовании, включающие разное количество компонентов (как антропонимических, так и неантропонимических), число которых колеблется от одного до семи. Ср.: *за Дородкою за Яковлевым сыном за бронником* [16, с. 215]; *Федка Юрьева сына Илейкина зятя* [Там же, с. 252]; *за ключником за погребным за тверским за Иваном за Тимачовым* [Там же, с. 45]; *за новокрещеном Гридею, что бывал черемисин* [Там же, с. 262]; *княгини Анны княж Васильевские Одревевича Микулинского слуги Петрушки Федорова сына Буракова*

[Там же, с. 173]; *брата моего Лукьяна* [18, с. 63–64]; *по деде по своем по Дмитрее* [12, с. 22]; *Гаврила Ондреев сын Тушиньской, тверитин, веденец московской* [18, с. 82]; *меня Воина именем Ивана* [18, с. 80]; *Фома, а прозвище Незамах, Ларионов сын Савельева* [14, с. 67] и т. д.

Все эти многочисленные варианты способов номинации могли включать в себя самые разнообразные **формы личных имён**:

– полные христианские личные имена (ХЛИ) как в канонической, так и – гораздо чаще – в бытовой, разговорной форме: *Михайло Иванов сын Безпятаго* [16, с. 238], *Яков Полянинов* [1, с. 56], *за Иваном да за Васильем за Сидоровыми детми Япанчина* [17, с. 14] и т. д.;

– квалитативные формы ХЛИ: *Гридя Микулин сын Павлова* [2, с. 78], *Якуш Бородин* [1, с. 56], *Ондреец да Степанец Истомины дети Оплеchioева* [17, с. 190] и др.;

– полные или модифицированные формы прозвищных, нехристианских имён: *Русин Федоров сын Неклюдов* [12, с. 31], *а дал тое вотчину Смирной Диакон* [2, с. 48]; *за Нечаем за Семыгиным сыном Оплеchioева* [17, с. 191] и т. п.

При этом нередко одно и то же лицо в разных местах документа именуется по-разному, с использованием то прозвищного, то ХЛИ (и как непосредственно личного имени, и в составе полуотчества): *Ильи да брата его Якуша Ондреевых детей Борашовых – а у Жюка да у Ильи крепостей нет* [16, с. 210]; *Истомки да Неклюдки Семеновых детей Пестова* [Там же, с. 217] – *Истомки да Ондрюшки Семеновых детей Пестова* [Там же, с. 313]; *за Деем Гвоздевым сыном Заборовского* [Там же, с. 245] – *а нынеча за Деем за Дмитриевым сыном Заборовского* [Там же, с. 244]; *Данилка, да Ивашка, да Гриди, да Луки Богдановых детей Соколникова – Данила да Гриди в животе не стало, а нынеча Ивашка да Луки Микитиных детей Соколникова* [Там же, с. 147] и т. п.

Однако анализ памятников XVI в. позволяет с уверенностью сказать, что на ведущую роль в антропонимической системе в этот период претендуют именно ХЛИ, вытеснявшие постепенно имена некалендарные. Об этом свидетельствуют как простые подсчеты (в среднем в около 80% всех именовании дворян включают в свой состав имя христианское), так и тот факт, что при одновременном употреблении двух имен в составе наименования лица прозвищное имя всегда записано после имени христианского: *яз Иван Корешок да яз Иван Молчан Ондреевы дети Ильина* [12, с. 53]; *Матвей Шаня Никитин сын Ключерев* [18, с. 66], *Васько Шлюха Федоров сын Невзоров* [2, с. 239], *своего племянника Иванка Синицу сына Воробьева* [12, с. 24–25] и др. Вероятно, будучи оттесненными на второе (иногда на третье) место, подобные онимы постепенно переходили в состав прозвищ, уступая свою первоначальную функцию христианскому имени.

Кроме того, в документах исследуемого периода зафиксированы различные формы ХЛИ (полные и квалитативные), причем употребление их, вероятно, в тот период ничем не разграничивалось, даже одно и то же лицо в разных местах документа названо то полной, то сокращенной формой имени: *Григорей Петров сын Шамшалов – яз, Гриша Шамшов* [2, с. 236]; *Кузма Федоров сын Лазаревской – Куземка Лазаревской* [18, с. 78–79] и т.п. Подобное использование то полной, то квалитативной форм можно объяснить отсутствием в тот период строгой кодификации. Вместе с тем наши материалы не дают оснований согласиться с выводом С. И. Зинина, отмечавшего, что даже «в XVII в. не было противопоставления личных имен в их официальной и неофициальной форме», и рассматривавшего все имена, записан-

ные в документах, на уровне официальных [11, с. 13]. Этот вывод, судя по исследованным материалам, правомерен лишь применительно к крестьянам, в именовании же дворян уже в документах XVI в. содержится четкое противопоставление полного имени и одной (реже двух) из его наиболее употребительных форм остальным вариантам, что свидетельствует об устойчивом проявлении тенденции к отбору, упорядоченности онимов.

Так, несмотря на большое количество находившихся в употреблении личных имен, наблюдается тенденция к отбору небольшой группы популярных имен; десять наиболее употребительных у тверских помещиков христианских имен: **Иван (Ивашко), Василий (Васюк, Васка), Дмитрий (Митка), Федор (Федко), Григорий (Гридя), Михаил (Михаль), Андрей (Ондрейко), Семен (Сенка), Петр (Петрок), Степан (Степанко)** – зафиксированы почти у 70% поименованных (в скобках указаны самые употребительные квалитативы от данных ХЛП).

Неоднородны в этот период по своему составу и структуре и отчества. Большинство помещиков записано с помощью так называемых «полуотчеств» – притяжательных прилагательных:

– от полного ХЛП отца: *Рахманин Григорьев сын Скобеева* [12, с. 31], *за Иваном да за Яковом Юрьевыми детьми Бибиковыми* [15, с. 130], *за Сумгуром Васильевым сыном Захеева* [16, с. 167] и т. п.;

– от квалитатива ХЛП отца: *а нынеча Сенки Якушева сына Саблина* [Там же, с. 191], *да Горяинка, да Третьячка, да Иванка Тишкиных детей Тесмина* [Там же, с. 188] и др.;

– от прозвища или нехристианского имени отца: *Третьяк Поздяков сын Маурина* [2, с. 290], *Иван Смердов сын Скрипицына* [18, с. 76] и т. п.

Лишь отдельные землевладельцы записаны при помощи полного отчества с суффиксом *-ич* или равноценной ему частицей *княж*, добавлявшейся к полуотчеству: *Иван Федорович Сурмин* [12, с. 21], *думной дворянин и воевода Прокофей Петрович Ляпунов* [19, с. 320], *князя Олександра княж Федорова сына Шерепенского* [16, с. 240] и др.

Еще одним важным аргументом в пользу того, что в XVI в. в дворянской среде именно полная форма имени становилась предпочтительной и подсознательно нормированной, является тот факт, что подавляющее большинство отчеств в исследуемый период образовано именно от полной формы имени – независимо от того, в какой форме в документе записано имя самого отца. Например: *Васки Кубасова сына Захеева* [Там же, с. 167] – но: *за Сумгуром Васильевым сыном Захеева* [Там же, с. 163]; *Олексейка Багатьева* – но: *Михаля да Илейки Олексеевых детей Багатьева* [Там же, с. 152] и т. п. Ещё более показательным, что полные отчества в этот период зафиксированы почти исключительно от полных форм ХЛП, и этот факт также свидетельствует о том, что именно такая форма имени претендовала в XVI в. на роль официальной, нормативной. Вероятно, и сами носители, и писцы ощущали разницу в использовании тех или иных форм и считали более официальной полную форму имени, которая уже тогда стремилась стать нормой при образовании отчеств.

В XVI в. у помещиков зафиксированы и четырёхчленные именованья, в которых два последних компонента напоминают фамилии: *за Иваном за Матвеевым сыном Кашкарова Исакова* [Там же, с. 259], *Костянтин Васильев сын Загребин Синцов* [18, с. 63], *за князем Дмитрием Дмитриевичем Оболенским за Щепиным* [16, с. 102], *за Михайлом да за Гришкою да за Ивашком за Ондреевыми детьми Кускова Изъединова* [Там же, с. 280] и т. д. Такие именованья достаточно сложны для

анализа и свидетельствуют о неустойчивости в этот период фамилий и формулы именованья в целом. Для определения статуса подобных онимов нужен учет всех способов обозначения самого человека и его родственников, что не всегда оказывается возможным. Анализ материала показывает, что в подобных именованьях могли использоваться, во-первых, два отчества – от христианского и прозвищного имён отца; во-вторых, отчество именуемого, его дедичество (отчество его отца) и фамильное прозвание; в-третьих, два семейных прозвания отдельных ветвей разросшегося дворянского рода. При этом вариативность наблюдаем и в пределах именованья одного и того же лица: *Сенка Иванов сын Кушников Зеленцына – Сенка Зеленцын* [Там же, с. 145]; *Матвейка Яковлев сын Живулина Усова – Матвейка Живулин* [Там же, с. 151] и т. п.

Такая двойственность в именовании человека свидетельствует о том, что в этот период фамилии еще не стали устоявшейся антропонимической категорией даже у помещиков. Кроме того, можно наблюдать вариативность и в морфологическом оформлении фамильных прозваний (*Нагова – Нагово, Золотова – Золото, Борисов – Борисович, Шеманов – Симановской, Ноздрин – Ноздрунов, Усатой – Усов* и др.).

Нельзя не отметить и наличие в исследуемый период у всех видов антропонимов (имен, отчеств и фамильных прозваний) огромного количества фонетико-орфографических вариантов, чему способствовало отсутствие строгих норм фиксации антропонимов (см.: [6; 7; 8; 9]). Ср.: *Ларион – Ларивон, Микита – Никита, Олексеев – Алексеев, Абарин – Обарин, Лятягин – Летягин, Нагатъев – Нагаев, Бунковской – Унковской, Клеопин – Клевопин, Безстужев – Безтужев, Желнинской – Жолнинской* и т. д.

Как можно видеть даже из приведённых примеров, система наименования помещиков в этот период сложна и запутанна, и обращение к разным компонентам свидетельствует о поисках оптимальной системы.

Однако, несмотря на нестабильность и разнообразие способов именованья лица, на их юридическую незакреплённость, в XVI в. можно выделить четко наметившиеся в номинации помещиков тенденции.

1. Одна из ведущих тенденций в становлении антропонимической нормы у представителей высших социальных слоев состоит в том, что из множества форм христианских и нехристианских имен на роль официальной претендует полная форма ХЛИ и одна из многочисленных качественных форм, о чем говорилось выше.

2. Две антропонимические модели в количественном отношении значительно преобладают:

а) личное имя (полное ХЛИ, качественное ХЛИ либо нехристианское) + отчество (полное на *-ич* либо полуотчество – от полного ХЛИ, от качественного ХЛИ либо от нехристианского ЛИ) + фамильное прозвание;

б) личное имя (полное ХЛИ, качественное ХЛИ либо нехристианское) + патроним – при этом второй компонент, как показывает анализ, мог быть как отчеством, так и фамильным прозвищем, однако последние у помещиков в XVI в. были предпочтительнее.

Эти две модели, включающие в свой состав указание на связь с главой рода, по разным памятникам, составляют от 60% до 100%, при этом значительно преобладает трехчленная формула, включающая фамильное прозвание (до 70%), как самая удобная, наиболее краткая и ёмкая, максимально индивидуализирующая и одновременно отражающая семейную общность, генеалогические связи.

3. Установлено, что около 80% помещиков к концу XVI в. имели фамильные прозвания, переходившие из поколения в поколение. Сравнение материалов XVI в. с данными более поздних документов свидетельствует о том, что значительное число семейных прозваний данного периода становится постоянным, наследственным знаком номинации, выполняющим функцию фамилии.

В XVII в. наблюдается явная активизация наметившихся двух ведущих моделей номинации, которые в совокупности уже составляют 98,5% всех именовании. При этом практически во всех записанных в документах этого периода двучленных конструкциях в качестве второго компонента использовано фамильное прозвание. Кроме того, в этот период, наряду с уменьшением количественного и качественного состава древнерусских имен, идет вытеснение народно-разговорных форм имен с субъективно-оценочными суффиксами, качественные формы ХЛИ (типа *Миня*, *Иванис*, *Петрушка*, *Левка*) встречаются у помещиков достаточно редко, а ведущим становится употребление лишь полной формы христианского имени. В составе же отчества подобные формы имен в этот период уже не зафиксированы.

Тверские документы XVIII века отражают окончательное закрепление наметившейся в предыдущий период тенденции в употреблении христианских личных имен. В это время у дворян в составе уже сложившейся трехчленной формулы именовании лица первый и второй компоненты ограничиваются основами только мужских ХЛИ в полной форме: *титularный советник Петр Андреев сын Сысоев* [4, с. 15]; *маеор Гаврила Иванов сын Аракчеев* [10, с. 21]; *князь Петр князь Андреев сын Ухтомского* [4, с. 30] и т. д. Таким образом, стихийно выделившиеся в XVI в. в дворянской среде ведущие антропонимические модели к XVIII в. окончательно превратились в факт осознанных образцов официального имяупотребления.

В крестьянской среде существовали свои традиции и тенденции в становлении антропонимической нормы. Если говорить лишь непосредственно о личных именах, то в XVI в. в этом социальном слое еще достаточно частотны имена бытовые, прозвищные: их в этот период в два раза больше, чем у дворян, и они отличаются значительно большим семантическим разнообразием и скорее напоминают прозвища (ср.: *Порывка*, *Корена*, *Горбун*, *Лапоть*, *Шушерка*, *Гагара*, *Лисица*, *Поповсак*, *Вонца* и т. д.), при этом наиболее употребительны подобные имена в одночленных конструкциях, что связано с гораздо большей различительной способностью некалендарных имен по сравнению с христианскими. Однако уже в широко распространенной в тот период двучленной модели именовании крестьян, включающей имя и полуотчество, количество прозвищных имен заметно идет на убыль: так, 48% именовании включают в свой состав ХЛИ и патроним от ХЛИ. Ср.: *Гриша Олексеев*, *Васка Игнатъев*, *Иванко Яковлев* [16, с. 375], *Иванко Микитин*, *Демидко Михалев*, *Костя Мартъянов* [12, с. 18], *Филатко Онфимов*, *Степанко Лутьянов*, *Петрушка Федоров*, *Патракийко Гридин* [17, с. 158] и т. д.

При этом необходимо отметить, что самыми употребительными в крестьянской среде в XVI в. были те же самые христианские имена, что и у помещиков. Поэтому следует, на наш взгляд, более критично и осторожно относиться к сложившимся в настоящее время представлениям о социальной закреплённости имен. Тверские документы XVI–XVII вв. свидетельствуют, что отрыв крестьянских имен от помещичьих был не так велик, а связи между ними более неоднозначны, чем принято считать. Поскольку и крестьяне, и помещики в XVI в. записаны именами большей частью в качественных формах, социальная градация, вероятно, шла на уровне не имен, а их вариантов, и в данном случае правомерно утверждение В. А. Никонова о том, что «даже формы имен социальные» [13, с. 18].

Тот факт, что двучленные конструкции, включающие в себя ХЛИ и патроним от ХЛИ, значительно преобладают в крестьянских именовании уже в XVI в., позволяет говорить о зачатках официальности и нормативности и в этом социальном слое: функция официального и тут все более закреплялась за христианскими именами, особенно в составе отчеств.

Намеченные тенденции продолжают укрепляться в последующий период. Отметим лишь те, что относятся к функционированию личных имен:

1. В XVII в. у крестьян уменьшается количество нехристианских имен, они становятся гораздо менее разнообразными по семантике, а те, что несут качественную оценку, в этот период уже переходят в состав прозвищ, занимая второе или третье место в составе именовании. Ср.: *Ивашка Ортемьев прозвище Куренок* [15, с. 41]; *Яков, прозвища Нелюбай, Спиридонов* [15, с. 353]; *Ивашка Сергеев, прозвище Карла* [Там же, с. 131] и др.

2. Почти во всех именовании крестьян нормой можно считать употребление качественной формы личного имени, главным образом с суффиксом -к-: *Кузька, Кондрашка, Дорошка, Матюшка, Максимко* и др.

3. Практически во всех крестьянских отчествах в этот период отмечена полная форма ХЛИ.

В XVIII в. идет дальнейшее развитие полных официальных именовании крестьян, и к этому времени преобладающая в XVII в. двучленная формула именовании с двумя христианскими онимами становится единственно приемлемой, однако в ее составе наблюдаем существенное изменение: во всех документах XVIII в. ХЛИ крестьян записаны исключительно в полной форме: *крестьянин Иван Степанов* [4, с. 40]; *людей моих Петра Семенова, Ивана Иванова, Филата Кузмина* [10, с. 17] и т. п.

Таким образом, только к XVIII веку нормой официального стиля становится называние лиц полными ХЛИ независимо от сословия. И только после этого так называемые «полуимена» типа *Ивашка, Сенка* перешли в сферу неофициального общения, отражая переоценку их эмоциональных возможностей. Социальные же различия в антропонимической сфере в этот период прежде всего проявлялись в формуле именовании лица, в ее содержательности.

Таким образом, уже в преднациональный период развития языка происходило подсознательное нормирование антропонимической системы, когда из множества предоставляемых языковой системой возможностей была выбрана модель, наиболее соответствующая потребностям общества и ставшая (с некоторыми изменениями) в дальнейшей истории развития антропонимической системы осознанным образцом, единственно возможной, официально нормированной формулой именовании лица.

Список литературы

1. Акты Московского государства / ред. Н. А. Попов : в 3 т. III. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1901. 802 с.
2. Акты Русского государства 1505–1526 гг. М. : Наука, 1975. 436 с.
3. Бахвалова Т. В. Из истории развития личных имен в Белозерье (на материале письменности XV–XVII вв.) // Проблемы ономастики. Вологда : Изд-во Вологодского ун-та, 1974. С. 119–124.
4. Бондарчук Н. С., Кузнецова Р. Д. Тверская деловая письменность XVII–XVIII вв. Калинин : Калининский ун-т, 1986. 80 с.

5. Выпись из Тверских писцовых книг письма и меры Федора Игнатьева да подъячаго Тимофея Стефанова 135 и 136 годовъ. Вып. I. Тверь: Типо-литография М. В. Блинова, 1916. 141 с.
6. Ганжина И. М. Вокалическая субституция в области христианских личных имён: гласные в начале слова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 141–145.
7. Ганжина И. М. О перспективах изучения диахронного антропонимического словообразования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. Вып. 3. С. 108–114.
8. Ганжина И. М. Реструктуризация христианских личных имен в преднациональный период: имена на *-ǫ (-ь, -о) // Вопросы ономастики. 2015. № 1(18). С. 165–174.
9. Ганжина И. М. Функционирование личных имен и прозвищ в преднациональный период (на материале «Дозорной книги г. Твери 1616 г.») // Knowledge society and 21st century humanism (Общество знания и гуманизм XXI века). София: Изд-во «За буквите – О писменехъ», 2014. С. 160–166.
10. Документы дворян Милюковых (1722–1742 гг.) // Журнал 91-го заседания Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 1903. С. 15–21.
11. Зинин С. И. Русская антропонимия XVII–XVIII веков: на материале переписных книг городов России: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. И. Зинин; Ташкенский гос. ун-т. Ташкент, 1969. 23 с.
12. К материалам для церковной и бытовой истории Тверскаго края в XV–XVI вв. / ред. М. Рубцов. Вып. II. Старица: Тип. И. Н. Крылова, 1905. 96 с.
13. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
14. Памятники русского права. Вып. 4 / ред. Л. В. Черепнин. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. 632 с.
15. Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. / ред. С. Б. Веселовский и А. И. Яковлев. Т. I. М.: Изд-во Центрархива РСФСР, 1929.
16. Писцовые книги Московского государства XVI века / ред. Н. В. Калачев. Ч. 1. СПб.: Имп. Русское Геогр. Общество, 1877. 1601 с.
17. Писцовые книги Новгородской земли: писцовые книги Бежецкой пятины XVI века / сост. К. В. Баранов. Т. 3. М.: Дрвлекранилище, 2001. 304 с.
18. Шумаков С. Тверские акты, изданные Тверской ученой архивной комиссией. Вып. I. Акты 1506–1647 гг. Тверь: Тип. губ. правления, 1896–1897.
19. Юшков А. И. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1898. 432 с.

**ON THE MAIN TRENDS OF ANTHROPONYMICAL NOMINATION
PRE-NATIONAL PERIOD (ON THE MATERIAL OF THE TVER BUSINESS
MANUSCRIPTS XVI–XVIII CENTURIES)**

I. M. Ganzhina

Tver State University
the Department of the Russian Language

The article analyzes the composition and structure of the anthroponyms recorded in the monuments of the Tver business manuscripts pre-national period left by the repre-

sentatives of two social classes – landlords and peasants. Major trends in the methods of nomination and qualitative composition of the components of naming are identified.

Keywords: *Christian personal name, qualitative, non-calendar name, patronym, patronymic, family name, naming, method of naming.*

Об авторе:

ГАНЖИНА Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: emmaus1962@yandex.ru.

About the author:

GANZHINA Irina Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: e-mail: emmaus1962@yandex.ru.